

Часть первая СТОЯЩИЕ НА ПОРОГЕ

*13 августа 2017 года, 08:15. Владивосток,
178-й судоремонтный завод*

*Доктор технических наук Алексей Тимохин,
45 лет*

Вот и приехали! Вчера на 178-й судоремонтный завод загнали эшелон — двенадцать платформ, груженных контейнерами с модульными блоками и комплектующими к «Туману». Армен Амосович квохтал над ними точно наседка над цыплятами. Впрочем, он квохчет и сейчас. Профессорский голос с сильным армянским акцентом слышен за сотню метров. Судя по всему, погрузка оборудования на корабль уже началась. Береговой кран зацепил первый контейнер — и тот повисает в воздухе между бортом и причалом, а наш академик в это время бойко наскакивает на невысокого крепкого военного моряка.

На меня налетела наша мадам Лисовая.

— Вы не представляете, Алексей Иванович, как тут обращаются с нашим оборудованием!

Даже удивительно, как у этой дамы совпадает фамилия и внешность. Или она красится хной? Как-то не возникало даже желания проверить, все ли волосы на ней рыжие...

Отодвигаю в сторону этот оживший пожар.

— Армен Амосович, уважаемый, ну не надо так кричать... Товарищ офицер не глухой, он вас и так прекрасно слышит.

Никак я не научусь разбираться в этих морских погонах, две большие звезды при двух просветах — это как? У сухопутных вроде это подполковник...

Офицер представился:

— Капитан второго ранга Ольшанский Петр Сергеевич, командир большого десантного корабля «Николай Вилков».

— Доктор технических наук Тимохин Алексей Иванович, руководитель темы и начальник всего этого технического бедлама.

Петр Сергеевич окидывает взглядом стильный светло-серый костюм, который был бы уместен и в тридцатые, и в пятидесятые, и в семидесятые годы прошлого века; уместен он и сейчас (что поделать — я консервативен, тем более что знакомые дамы не раз говорили, что такой стиль мне идет и скидывает минимум десять лет с моего возраста). Немного поколебавшись, он пожимает мне руку.

— А это? — Ольшанский взглядом показывает на профессора Баграмяна.

— А это наш генеральный конструктор, секретный до невозможности, человек пожилой, рассеянный и очень уважаемый, но с горячим кавказским характером, между прочим.

— А это что еще за явление Христа народу? — Ольшанский показал на морских пехотинцев, бегущих к нам вдоль пирса колонной по два, возглавляемых мускулистым лейтенантом небольшого роста. — Между прочим, они при полном боевом.

— Так все правильно, — я кивнул на остановившийся в начале пирса «уазик». — Вот и их начальство. Только место разгрузки должны были взять под охрану *до того*, как сюда подгонят состав с оборудованием...

И в этот момент прямо рядом с нами (умеют же люди!), будто прямо из причала или из воздуха, возник худощавый офицер дальневосточной национальности и неопределенного возраста. У местных аборигенов — наверное, из-за отсутствия бороды и усов — мужчины почти всю жизнь выглядят похожими на мальчиков, пока как-то разом не превращаются в седых старичков.

— Капитан федеральной службы безопасности Ким Максим Оскарович, особый отдел Тихоокеанского флота. — Персонаж с подозрением оглядел присутствующих. — Ваши документы, товарищи.

Достаю паспорт, служебное удостоверение и командировочное предписание. Особист смотрит документы внимательно, чуть ли не обнюхивает. Потом удовлетворенно кивает.

— Все в порядке, товарищ Тимохин, нас предупредили. — Бегло просматривает документы Ольшанского. — Все в порядке, товарищ Тимохин, или лучше господин?

— Давайте «товарищ» — так привычнее, товарищ капитан. Поскольку, как я понимаю, вы руководите группой от организации-разработчика *изделия*, должен вам представить товарищей. Капитан второго ранга Степанов Василий Иванович, ваш куратор на испытаниях от РТВ штаба флота. Полковник Шкловский Лев Борисович, представитель Главного военно-медицинского управления Министерства обороны. Он и его группа будут исследовать влияние длительного применения вашего *изделия* на здоровье людей. Майор морской пехоты Новиков Александр Владимирович — его рота осуществляет охрану и оборону кораблей группы от недружественного проникновения. И ваш покорный слуга также прикомандировывается к вам на время данного учебно-боевого похода. Вот и весь штаб по проведению испытаний.

Тем временем морские пехотинцы с оружием на изготовку вытянулись редкой цепью вдоль пирса, делая вид, что происходящее их совершенно не касается. Внутри меня закипела злость.

— Товарищ капитан, вы забыли одну очень маленькую, но важную вещь. Наше оборудование следовало взять под усиленную охрану сразу после прибытия на 178-й судоремонтный завод. Нам пришлось договариваться о задержке на сутки караула от внутренних войск. И поскольку информация уже прошла по инстанциям, то непременно полетят головы или затрещат чубы. Потому как вон там, — я показал на подъехавший вслед за военными черный «крузер», — должен быть наш московский куратор.

Из «крузера» с грацией разозленного медведя вылез здоровенный короткостриженный мужик, при взгляде на которого приходило на ум только одно слово — «носорог». Вслед за ним появилась стильная рослая сероглазая девица, габаритов примерно сто восемьдесят при девяносто — шестьдесят — девяносто. Вслед за девицей нарисовались типичные «трое из ларца, одинаковы с лица». Какие бы дорогие костюмы ни носили эти накачанные парни, опытный глаз всегда узнает в них питомцев девятого управления.

Умеет же товарищ Одинцов напустить на себя важный вид; помнится, он в нашем конструкторском бюро так проверяющего генерала опустил ниже плинтуса.

— Одинцов! — Он небрежно сунул в нос особисту свои красные корки и обернулся к телохранителям: — Парни, у нас разговор...

Парни поняли и, не теряя достоинства, покинули зону слышимости.

— Товарищи офицеры, мы будем работать серьезно или валять дурака? Для желающих повалить

дурака есть дурка, могу обеспечить путевку всерьез и надолго. Со всеми прелестями карательной психиатрии — вроде уколов аминазина или холодных обливаний. Для тех, кто хочет работать всерьез — добро пожаловать в команду.

Он сделал вескую паузу, затем продолжил:

— Первое. Товарищ майор, один взвод в оцепление на пирс, второй на корабль. Установить контроль за периметром — как по суше, так и по морю. При попытке несанкционированного проникновения со стороны моря — огонь на поражение без предупреждения. При попытке проникновения со стороны суши — действовать согласно уставу караульной службы. Третий взвод пусть находится в резерве.

Второе. Товарищ Тимохин, всех ваших людей, которые не нужны на разгрузке, направить на борт, пусть размещаются в кубриках и не мельтешат на палубе. Капитан второго ранга Ольшанский выделит ответственных из своей команды.

Третье. Капитан второго ранга Степанов и товарищ Тимохин создают из своих специалистов сводную бригаду для погрузки и монтажа оборудования. Не исключено, что следующие испытания служба РТВ Тихоокеанского флота будет проводить самостоятельно. Оборудование разгружаем согласно схеме, дизель-генераторы — первый трюм, непосредственно «Туман» — во второй; все прочее, включая контейнеры товарища Шкловского, — в третий. Товарищу Шкловскому принять на борт свое оборудование, разместить людей в кубриках и в течение суток развернуть свою службу и провести первичное обследование людей. А вас, уважаемый Армен Амосович, я попрошу не волноваться, поезжайте в гостиницу, Алексей Иванович и без вас прекрасно справится.

— Семен! — подозвал он одного из своих телохранителей. — Отвезешь Армена Амосовича в гостини-

цу; если по дороге надо куда заехать, не стесняйся, времени у тебя до вечера. Будешь нужен раньше — вызову.

— Погодытэ, Павэл Павлович... — старик подошел ко мне. — Удачи тэбэ, сынок... — и заплакал.

А ведь у него в девяностом всю семью в Сумгаите убили — жену и трех сыновей... Я пришел в его отдел после Бауманки в том же девяностом. Действительно, он был мне как второй отец; получается, он просто усыновил меня...

— Я не подведу, Армен Амосович, вы не зря меня учили. Поезжайте в гостиницу, отдохайте. Вернемся мы к вам со щитом, только с победой.

Уехал...

***13 августа 2017 года, утро. Владивосток,
178-й судоремонтный завод***

Майор морской пехоты

Александр Владимирович Новиков

Сидим, значит, с ребятами вчера вечером у меня на квартире, кушаем водочку по поводу успешного возвращения из командировки в одну южную солнечную страну. На столе сельце, балычок, икорка черная, икорка красная... в холодильнике ящик беленькой. Расслабляемся. Удачно съездили. Только, значит, разлили по первой, закусили (слава богу, поминать никого не пришлось и даже трехсотых не было) — тут звонок на сотовый... Штаб бригады. И на тебе — новость!

— Майор Новиков? Говорит дежурный по штабу майор Хамбурдыкин. Согласно приказу командира бригады, завтра утром убываете в командировку в должности командира третьей роты сто шестьдесят пятого полка.

У меня даже слова в глотке застряли, а этот кадр продолжает:

— Ваши документы уже готовы, вы должны забрать их до двадцати двух ноль-ноль.

Вот меня ошарашило; я уж настроился оттянуться по полной, а тут такое творится. Секунд двадцать ни слова сказать не мог.

— Э-э... майор, товарищ дежурный, а какие распоряжения для моей группы?

Голос у штабного был как у петуха, вещающего с забора о наступлении утра:

— В связи с особой важностью задания ваша группа спецназначения временно прикомандировывается к роте как спецкоманда усиления. Товарищ комбриг сказал, что не исключены провокации наших заклятых партнеров.

«Ни фиги себе поездочка, — подумал я про себя, — из одной командировки прибыли — и тут же на тебе; явно кто-то в штабе снова хочет моей героической, но безвременной гибели...»

Однако вслух я лишь спросил:

— Товарищ майор, можете объяснить мне, что за задача нам предстоит?

— Задачу объясним устно, при встрече, имеет место участие в учебно-боевом походе Тихоокеанского флота. Длительность похода — около тридцати суток. После Сирии это будет вам вместо курорта...

Прикрываю трубку рукой и излагаю мужикам все своими словами. В ответ — возбужденный гул. А что вы хотите — из одной командировки да в другую. Парни тоже не педальные кони. Пришлось немного разрядить обстановку.

— Так, мужики, мы в армии или где; наверное, командование опасается, что любимые племяннички дяди Сэма будут грубить нашим морячкам. Кто как не мы сможет на пальцах разъяснить им международ-

ное право в нейтральных водах? Так, Стас, ты достаточно трезв, чтоб сгонять со мной до штаба и обратно? Только без твоих каскадерских штук.

До штаба сгоняли без приключений; Стас в нашей группе штатный водила, а город знает как свои пять пальцев. Выбрал такие закоулки, что нашей древней «Королле» не встретился ни один жадный дядька с полосатой палкой. От дежурного по штабу узнал, что, во-первых, их прежний ротный в госпитале — перешел дорогу в неудачном месте или съел чего нехорошего, бог знает. Или чутье у него по поводу таких ситуаций, в которые неподготовленному человеку лучше не попадать. Тут сам себе ногу сломаешь, лишь бы оказаться подальше. А мы чо? А мы ни чо. Мы привычные. Ну и к тому же выяснилось, что нашей задачей будет сопровождение во время похода секретного экспериментального объекта. Все. Вернувшись, продолжили догуливать. Эх, где наша не пропала...

Уже под утро мужики убыли в распоряжение, получив мой наказ — собрать вещички, полный набор всякой утвари для убийства при двойном боекомплекте. А я, почистив зубы и приняв душ, стал собираться на выход.

Роту я перехватил недалеко от заводского КПП, пришлось даже немного подождать. Пока ждал, подъехала «Газель» с ребятами. Сказал им, чтоб дождались ротной колонны и до объекта следовали за ней. Только покурили — смотрю, из-за поворота едут. Ну, я, значит, торможу головного и показываю сидящему рядом с водителем лейтенанту свое предписание. Ать-два.

— Лейтенант Жуков, — говорит, — командир первого взвода. Нас предупредили...

— Ну вот и славненько, товарищ Жюков, что вас еще не расстреляли, — говорю я, вспомнив старый анекдот. — Подвинься-ка, и поедем с ветерком.

А у КПП завода нас уже ждут... Комитет по встрече, так сказать. Пренеприятнейший тип из особого отдела, капитан ГБ, да еще, блин, корейская морда. Как мы из машины вылезли, так он мое амбре и унюхал... Но только зашипел: «Я с тобой после разберусь!» — и кулаком погрозил (мол, не до тебя сейчас), и сам моими морпехами командовать начал. Потом манит меня за собой вдоль причала пройтись. А кроме него, там целый комитет — представитель от РТВ, от медслужбы; ну и я четвертый, значит.

А на причале куча народу и страшный бедлам; какой-то кавказец-аксакал на рабочих кричит, женщина рыжая суетится, и присутствует еще один тип — в шляпе, весь из себя фешенебельный — рядом с ним капитан второго ранга (ну, с этим все понятно — командир ошвартованного тут же БДК, пересекались мы с ним как-то раз. Ольшанский (кажется, Петр) — нормальный мужик, не из этих).

И тут на этот самый БДК как раз и перегружают контейнеры с железнодорожных платформ. А эти контейнеры, верно, и есть тот самый секретный объект, который мы с товарищем Кимом должны пасти. А старенький ара и неприятный тип в сером костюме и есть секретные конструкторы, измыслившие очередную техническую гадость на погибель нашему вполне вероятному противнику. Только вот у наших вождей все равно не хватает духу пустить эту штуку в дело. Да мне ж самому довелось после войны трех восьмерок полюбоваться на эту тварь Конди через оптический прицел. Стоило чуть шевельнуть пальцем — и то дерьмо, которым набита ее голова, мелкими брызгами разлетелось бы по окрестностям. И что вы думаете — отмена операции.

Пока я находился в грезах о прошлом, произошло еще одно «явление Христа народу». На причал вкатился черный «лендкрузер». Раз вкатился — значит,

на КПП предъявил какую-то страшную бумагу, значит — наблюдаем. За таким вообще положено наблюдать лежа, из кустов, но где мы вам тут возьмем кусты на бетонном пирсе? А события развиваются. Из «круизера» вылезает здоровенный мэн (явно в спортзале груши околачивает). Широченные плечи уравнивают укрощаемый живот. Одет а-ля Путин — то есть водолазка под пиджак и черные очки. За мэном из машины появляется фемина неземной красоты и с серыми волчьими глазами. Батюшки, девушка! А я вас знаю (точнее, про вас слышал)! Это же Даша Спиридонова. В августе восьмого, в мои лейтенантские годы, когда мы давали грызунам обнюхать монтировку, их группа работала по соседству с нашей. И когда стало по-настоящему жарко, отвлекла внимание на себя. Она тогда совсем девчонкой еще была. В точке эвакуации вертушка забрала двух бойцов и ее, тяжело раненную в грудь, а остальные сгнули в тех горах бесследно... По телохранителям мой глаз скользнул привычно — обычные бодигарды; ну не совсем обычные, из «девятки», но если что, для меня и моих ребят не проблема.

А этот здоровяк из джипа подваливает прямо к нам и сует в нос особисту свою красную корку.

— Одинцов.

А у меня что-то екнуло — вроде где-то я уже слышал этот голос, с эдакими командно-административными интонациями. Он тем временем поздоровался с остальными и смотрит на меня, прищурившись, и мнет рукой плохо выбритый подбородок.

— Так-так, постой... две тысячи восьмой, девятое августа, Южная Осетия, Зарская дорога, лейтенант Новиков...

Или я чего-то не понял, или этот московский гость из породы больших начальников меня откуда-то знает?

— Извините, майор, товарищ... — решил я прояснить положение дел.

— Знаю, молодец, — кивнул здоровяк, — сам представление писал — и на «Георгия», и на очередное звание... а сейчас как увидел знакомую фамилию, так специально попросил, чтобы в прикрытие определили именно тебя.

Тут меня как прострелило.

— Товарищ «Одиннадцатый»?!

Я точно вспомнил, где слышал этот рокочущий голос — это же был наш «поводырь», он вел нашу группу через паутину засад и ловушек по грузинским тылам, наводя на самые ценные для грузинов объекты. А в самом конце, когда нам на хвост упала рота наемников из УНА-УНСО, навел на них пару «сушек», которые и помножили негодяев на ноль с привычной бесцеремонностью. Почему именно унсовцев? А вы где-нибудь рыжих голубоглазых грузин со славянской внешностью видели? То-то!

Мы почти торжественно пожали друг другу руки. Кстати, как и многие авторы той победы, он потом тихо ушел в небытие — началась известная всем «перезагрузка» или точнее «перегрузка».

Кстати, когда особист понял, что наше знакомство с товарищем Одинцовым хоть и шапочное, но вполне обязывает ко многому, его даже перекривило. Ну что ж поделаешь, дарагой, такова судьба.

— А ты, майор, не теряйся, — хлопнул Одинцов меня по плечу, — кончится вся эта сарабанда, сядем, возьмем по рюмочке зеленого чая, поговорим. Ведь ты со своими орлами будешь там же, где и мы — на «Николае Вилкове». Вот и ладно, свидимся.

Погрузка закончилась ближе к трем часам. По ходу пьесы выяснилось, что на камбузе «Вилкова» во всей этой суете про нас забыли — ужин будет вовремя, а уж обед — извините, замотались. Я уже было собрался послать гонцов в магазин — пусть хоть хлеба и молока принесут на всю роту (парни голодные как